

5.9.5. Русский язык. Языки народов России

«РАЗСУЖДЕНІЕ...» П.П. ШАФИРОВА
КАК ПЕРЕХОДНЫЙ ЭТАП ОТ ПОЛЕМИЧЕСКОГО ЖАНРА
К НАУЧНОМУ

Е.А. Кытманова

Аннотация. В статье рассматриваются особенности «Разсужденія...» П.П. Шафирова как образца жанровых трансформаций при переходе из полемического дискурса в научный. Текст «Разсужденія...» исследуется с позиций дискурсивного и лингвоперсонологического подходов с применением методов контекстного, стилистического и семантического анализа. Согласно авторскому пониманию жанра как культурной формы, последовательно анализируются трансформации, вызванные междискурсным переходом, в коммуникативном и когнитивном компонентах. В ходе исследования установлено, что жанр рассуждения, зародившийся как религиозно-полемический, претерпевает на рубеже XVII–XVIII вв. значительные изменения, обусловленные его включением в новые виды дискурса: дипломатический и научный. Модель жанра преобразуется в коммуникативном и когнитивном компонентах под влиянием изменившейся цели коммуникации, состава и статусности коммуникантов, а также гносеологических целей и связанных с ними когнитивных стратегий.

Ключевые слова: жанр, дискурс, рассуждение, коммуникативный компонент, когнитивный компонент, гетерогенность жанра, междискурсный переход

Для цитирования: Кытманова Е.А. «Разсужденіе...» П.П. Шафирова как переходный этап от полемического жанра к научному // Преподаватель XXI век. 2026. № 1. Часть 2. С. 321–333. DOI: 10.31862/2073-9613-2026-1-321-333

321

P.P. SHAFIROV'S "RASSUZHDENIE..." AS A TRANSITORY STAGE
BETWEEN POLEMICAL AND ACADEMIC GENRE

Е.А. Kytmanova

Abstract. The article considers the features of P.P. Shafirov's "Rassuzhdenie..." as a model of genre transformations during its transfer from polemical to academic discourse. "Rassuzhdenie..." is studied from the perspective of discourse and linguopersonological approaches through the application of contextual, stylistic

© Кытманова Е.А., 2026

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

and semantic analysis methods. All the changes in communicative, cognitive and semiotic components of the genre caused by inter-discourse transfer are analysed according to the author's understanding of genre as a cultural form. The study proved that genre of reasoning originated as a religious and polemical genre underwent great changes at the turn of the 17th–18th centuries caused by its transfer to diplomatic and academic discourses. The genre model changes in communicative and cognitive components under the influence of changed communicative aim, composition and status of interlocutors as well as different epistemic goals and cognitive strategies.

Keywords: *genre, discourse, rassuzhdenie, communicative component, cognitive component, genre heterogeneity, inter-discourse transfer*

Cite as: Kytmanova E.A. P.P. Shafirov's "Rassuzhdenie..." as a Transitory Stage between Polemical and Academic Genre. *Prepodavatel XXI vek. Russian Journal of Education*. 2026, No. 1, part 2, pp. 321–333. DOI: 10.31862/2073-9613-2026-1-321-333

Вопрос о принципах и методах построения модели речевого жанра, несмотря на большое количество научных работ, остается актуальным в современной генристике. **Новизна данного исследования** заключается в том, что в нем жанр рассматривается как процессуальное явление, зависящее от установок дискурса и качественно изменяющееся при переходе из одного дискурса в другой, обнажая при этом свои характерные черты. Жанр рассуждения на рубеже XVII–XVIII вв. — яркий пример такого междискурсного перехода, анализ которого позволяет выявить не только особенности конкретного жанра, но и уточнить представление о жанровой модели, жанровой эволюции и механизме формирования системы жанров.

Как полемический жанр, рассуждение оформилось уже в конце XVII в. в рамках религиозного дискурса в ходе дискуссионной борьбы старообрядцев с официальной церковью. В XVIII в. жанр начинает использоваться в политических дебатах русского государства с международным сообществом и таким образом переходит из религиозного в дипломатический дискурс. Одновременно в рассуждении происходят качественные изменения, подготовившие его оформление как научного жанра.

Для понимания трансформаций жанра необходимо расширить представление о политическом дискурсе, произвести нюансировку его составляющих, к которым относятся полемический и дипломатический дискурсы. Так, полемический дискурс имеет, как показывают исследования последних лет, ряд отличий от политического дискурса, главное из которых состоит в целевой установке: если политическая коммуникация направлена на борьбу за власть, то полемический дискурс преследует иную цель — «найти решение актуальной проблемы, сложного вопроса» [1, с. 7]. Особенностью же дипломатического дискурса, как считает Л.М. Терентий, является двойственность как адресанта, представленного категориями профессиональных политиков и профессиональных дипломатов, так и адресата, которым может быть и массовая аудитория, и достаточно узкий круг лиц — дипломатические работники, а его цель заключается в том, чтобы «проинформировать широкую общественность, как в своей стране, так и за ее пределами, о точке зрения правительства представляемого им государства на определенные международные проблемы» (публичный дискурс), а также достичь

«соглашения между различными участниками общения по вопросам международной политики, установление отношений между странами на основе взаимной выгоды, согласование их интересов, расширение сотрудничества, ограничение конфликтов и т.д.» (закрытый процесс переговоров), который может «рассматриваться как специфическая научная деятельность сотрудников дипломатического корпуса» [2, с. 48].

Таким образом, оба рассмотренных дискурса связаны как с политической, так и с научной коммуникацией, что обогащает потенциал входящих в них жанров и создает необходимые условия их перехода из одного вида коммуникации в другой.

Цель статьи — проследить новообразования в жанре рассуждения на примере «Разсужденія...» П.П. Шафирова (1717), выявить причины их появления и следствия, подготовившие переход жанра в научный дискурс.

Методология. Мы придерживаемся понимания жанра как культурной формы, состоящей из трех компонентов: коммуникативного, когнитивного и семиотического. Для описания данных компонентов в структуре жанра используются методы дискурсивного, лингвоперсоналогического, контекстного, стилистического и семантического анализа.

История вопроса. «Разсужденіе...» П.П. Шафирова неоднократно становилось предметом исследования историков [3] и правоведов [4; 5; 6; 7]. Лингвисты же не подвергали произведение целенаправленному анализу, используя его текст лишь в качестве языкового материала [8; 9]. На наш взгляд, «Разсужденіе...» представляет собой не только интереснейший документ переходной эпохи в становлении русского языка, но и пример жанровой трансформации. Чтобы проследить трансформацию рассуждения и факторы, ее обусловившие, рассмотрим характерные особенности жанра в трех его компонентах: коммуникативном, когнитивном и семиотическом.

Трансформации в коммуникативном компоненте

Особенностью текста «Разсужденія...» является его многоцелевой и многофокусный характер. Основные задачи произведения — доказать, что у России были основания начать войну против Швеции, сравнить воюющие стороны и показать, какая из них имела больше прав называться «политичным» народом. «Разсужденіе...» носило неофициальный характер, следовательно, было не дипломатическим документом, обращенным к определенному правительству, хотя и включало юридические материалы (тексты договоров), а публицистическим текстом, адресованным как европейской аудитории, так и российскому народу (в ответ на пропагандистские действия Швеции, стремившейся посеять смуту и восстановить население против правительства).

Текст произведения, по-видимому, был завершен во время второго путешествия Петра I в Европу (1716–1717), предпринятому с целью найти союзника, с которым царь мог бы закончить Северную войну. России наравне с военными победами важно было одержать и дипломатическую победу, поскольку борьба была не только политической, но культурно-цивилизационной и затрагивала такие важные для русского народа вопросы, как самобытность, суверенность, право не только на исторические территории, но и на свой язык и образ мышления.

Поводом к написанию «Разсужденія...», как сообщает П.П. Пекарский со ссылкой на Ф.-Х. Вебера, могло послужить *Deductio* (доказательство) одного ученого шведа о Карелии и Ингерманландии *Kurze Erörterung der zwischen Schweden und Russland*

obschwebenden Streitigkeiten («Краткое обсуждение текущих споров между Швецией и Россией») [10]. В содержании документа, действительно, приводятся «доказательства» права шведской короны на указанные земли, а также подвергается сомнению даже сам факт претензий России на Прибалтику, *welche die Russen auch nicht unter einem Schein des Rechts ansprechen tonnen* (на которые у русских нет никакого законного права) [11, с. 340]. Более того, в документе сказано, что в древности вся территория России находилась под управлением шведских принцев и что даже на Азов шведы имели больше прав, чем русские [там же].

В связи с этим показательное стремление Петра изучить труды европейских историков и юристов и вступить с ними в спор. Так, он не только приказал сделать перевод «Введения в историю...» С. Пуфендорфа, но и настаивал на его полной редакции. Известен даже анекдот о том, что первоначально переводчик Г. Бужинский намеренно выпустил из текста оскорбительные для русского человека фразы Пуфендорфа в подглавке «О нравахъ и о разуме народа российскаго» [12]. Петр же настаивал, чтобы этот текст был включен в перевод. Такое отношение к русскому народу и возмущало Петра, и стимулировало его к преобразовательной политике, подчеркивало контраст между «прошлым», которым царь одновременно и гордился и которого стыдился, пытаясь перевернуть жизнь русского народа с помощью реформ. Не случайно именно историческая наука станет первой из гуманитарных дисциплин, возникших на национальной почве.

Знакомство с западноевропейской исторической и правовой литературой повлияло не только на мировоззрение русского человека, но и на формы коммуникации автора с читателем. Возможно, благодаря изданиям Пуфендорфа возникла идея «Дедикации» всей книги царевичу Петру. Поскольку книга немецкого историка задумывалась как учебник для наследных принцев, будущих правителей государства, для ознакомления с историей Европы и обучения искусству политики, что было отражено в многочисленных посвящениях разным европейским принцам, Петр также хотел обозначить будущего правителя государства в официальном «приношении». К тому же существовала и реальная угроза потери наследника после бегства царевича Алексея в Вену в декабре 1716 г. и смерти в январе 1717 г. царевича Павла Петровича.

Между тем суть посвящений в западноевропейских источниках и «Дедикации» была различной. В первых содержалось славословие монарху и превозносились достоинства книги, ее ценность и необходимость для успешного управления государством, а во второй на основе перечисления конкретных дел доказывалась необходимость и ценность преобразований Петра. При этом «Дедикация» органично вписалась в общий замысел произведения, цель которого состояла не только в том, чтобы обосновать причины войны, но и дать образец государственного «политического» поведения. Очевидно, что годовалый младенец не мог постичь смысла «приношения», следовательно, оно имело не столько воспитательную, сколько пропагандистскую цель: увековечить деяния Петра. Это же объясняет переиздание произведения в 1719 и 1720 гг. уже после смерти царевича.

Таким образом, коммуникативная цель «Разсуждения...» была многофокусной. Она включала стремление установить контакт и с европейской аудиторией, и с русским народом, объяснить причины войны, пробудить патриотические чувства, обосновать государственную политику и укрепить монархическую власть.

По сравнению с произведениями предыдущих эпох «Разсужденіе...» характеризуется не только многоплановостью своей цели, но и качественными сдвигами в отношении участников коммуникации (их индивидуализации и статусности). Прежде всего изменения затрагивают авторство. Номинально автором считается П.П. Шафиров, однако его именем подписана не вся книга, а только «Дедикация», кроме того, история создания «Разсужденія...» и его стилистическая неоднородность указывают на то, что текст принадлежит перу нескольких авторов. Их выявление весьма важно для идентификации авторских интенций и отношения к читателю.

Известно, что «Разсужденіе...» было не только создано по приказу царя, но и поддержало, как свидетельствуют источники, фрагменты, написанные лично его рукой. По мнению Н.Г. Устрялова, весь текст со слов *и тако любезный читателю* и до конца написан Петром I [13]. Однако влияние Петра чувствуется во всем произведении, проявляясь идейно, композиционно и стилистически.

Так, православный монарх, несмотря на свою западноевропейскую «политичность», видел конфликт со Швецией через призму христианской традиции как противостояние «добра» и «зла», чему свидетельствует частотное употребление антонимических пар *злоба, злой, злобный — добро, добрый*, а также цитирование евангельских истин, призывающих к рассуждению: *егда законъ нашъ судитъ человеку, аще не слышитъ отъ него прежде и разуметь что творитъ, тако и намъ надлежитъ прежде вѣдать, и потомъ разсуждать* [14, с. 73].

В композиции произведения привлекает внимание тот факт, что каждая его часть, написанная в основном сухим канцелярским языком, заканчивается довольно эмоциональным призывом к читателю самостоятельно сделать вывод, что также указывает на авторство Петра: *И тако изъ сіхъ вышеписанныхъ обстоятельствъ, можетъ вѣсь свѣтъ видѣть <...> И всякъ, ежели кто слобю и прїстрастїемъ не ослеплен, прїзнаеть...* (конец части о «древних причинах») [там же, с. 20]; *И тако та воїна <...> И уповаю что всякъ безъ прїстрастнoui изъ вышеписанного доволно правость оной воїны, и законныя прїчыны древнія и новыя усмотря, не можетъ инако **разсудитъ**...* (конец первой части) [там же, с. 34]; *И уповаемъ мы, что изъ сіхъ вышеописанныхъ обстоятелствъ, всякъ прїзнать прїнужденъ будетъ...* (конец второй части) [там же, с. 57]; *И тако любезныи читателю, мню что уже доволно изъ сея кнїги, или **разсужденія** выразишь...* (заключение) [там же, с. 82].

Свидетельством авторства Петра в данных фрагментах является преобладание старорусского стиля с большим количеством старославянизмов (*аще, вѣщше, отвецать, негодующий*) и относительно малым по отношению к общему объему книги количеством слов иностранного происхождения, избыток которых в речи, как известно, не одобрял Петр. Вместо определительных придаточных со словом *который* употребляются причастные обороты. Основным средством связи является характерный для русской книжности союз *и*. Глаголы употребляются преимущественно в сослагательном наклонении: *желалъ бы, вопрошалъ бъ: лутчебъ помїрїтїся* [там же]. Для взаимодействия с читателем используются «объединяющие» местоимения (*наше, нас, мы*), императивы и риторические вопросы.

Основная часть «Разсужденія...» написана совсем другим автором. Как справедливо заметил А.М. Панченко, в эпоху Петра появляется новый тип писателя — литературный поденщик, который, в отличие от древнерусского книжника, пишет не по обету

или внутреннему убеждению, а по заказу царя [15]. Таким «поденщиком» для Петра и был П.П. Шафиров. Хотя Вебер назвал Шафирова «самым бойким пером Русской канцелярии» [16, ст. 1653–1654], его стиль весьма шероховат, поскольку изобилует варваризмами, а также лексическими и синтаксическими кальками с иностранных языков. По наблюдениям А.В. Волосковой, в «Разсужденіи ...» содержится 225 иноязычных терминов, которые относятся к сферам дипломатии, политики и военного дела [8]. Однако не все иноязычные слова Шафиров употреблял по терминологической необходимости. Например, вульгаризмы из немецкого языка (*штїлізованы* (сочинены), *Амбиція* (честолюбие), *Претексты*), латинские заимствования через польское посредничество *десперація* (отчаяние), *дивулгованы* (разглашены), французские кальки (*на сукурс къ Смоленску — au secours — на помощь*) и др. вполне могли быть заменены на русские слова, что и было сделано в скобках и на полях.

«Дедикация» царевичу Петру Петровичу также пестрит заимствованиями, но ее стиль несколько иной вследствие того, что в ней меняется авторская интенция. Эта часть произведения отражает не только государственные мысли Петра I о всеобщем благе, но и субъективные устремления самого Шафирова, который рассчитывал не только на царскую милость в настоящем, но и на «протекцию» со стороны сына императора в будущем. И здесь мы уже имеем дело с другим автором и мотивацией другого рода: не масштабной, государственной, а частной и довольно корыстной.

Тональность произведения становится более субъективной, появляется местоимение 1-го лица ед. числа, уничижительный слог, свойственный древнерусским книжникам (*мой некрасноречивый слог той Милости Вашей и не заслужил; неискусство пера моего; Всепокорнейший и подданнейший раб П. Ш.*), церковнославянизмы: *еже аз, обряцется, реци, аще, ваши победоносные, сиречь* и др. Речь приобретает витиеватый, красочный оттенок, появляются метафоры: *Такожь могутъ и поля <...> славные побьды и дьла Его Величества прославляти и засвідѣтельствовать, лежащїми на нїхъ непрїятельскїми костьми* [14, с. 4–5]; сравнения: *ибо како древо и корень доброи неможеть инако яко плодь подобнии себѣ произвести, тако и Ваше Высочество, яко рожденнии отъ толь Великого Отца* [там же, с. 10]; риторические вопросы: *И кто все исповѣть, еліко чудесныхъ и славныхъ дьль, Его Величество Государь Родїтель Вашъ ПЕТРЪ Первыи ЦАРЬ, по имяни и дьламъ, во время еще не великое Государствованїя своего сочїнилъ?* [там же, с. 7] и восклицания: *О счастлива и благополучна еси Россїя!* [там же, с. 7–8].

Есть основания полагать, что у «Разсужденїя...» был еще один автор — неизвестный переводчик с латинского, в котором П.П. Шафиров был не особенно силен. Как было сказано выше, заключительную часть произведения написал сам Петр I, но с некоторыми исключениями. Так, за подтверждением своих слов о «славном историке» Пуфендорфе он обратился к Шафирову, чтобы тот нашел и вставил необходимые цитаты об отношении шведов к России [13]. В итоговом документе цитат из Пуфендорфа не последовало, но была весьма пространная выписка в духе вольного переложения отрывка из книги шведского ученого немецкого происхождения Йоханнеса Локкениуса (в произведении ошибочно указано *Лонценция*), который в свою очередь цитировал французского историка Жака Огюста де Ту.

Учитывая, что Шафиров не обладал достаточными знаниями в области истории, чему свидетельствует написание имени такого классика, как Тит Ливий в одно сло-

во (*Титулівію*), вряд ли он мог переводить и пространно цитировать Локкениуса, не говоря уже о де Ту (Туаниса), да и стиль отрывка сильно отличается от привычных Шафирову фраз и выбора эквивалентов при переводе. В то же время брат Петра Шафирова — Михаил Павлович Шафиров — также работал в Посольском приказе и числился именно переводчиком с латинского, владея немецким и французским языками. В отличие от Петра Павловича, чье образование, видимо, проходило на дому под руководством отца, Михаил Шафиров учился в Англии, Голландии, Германии, где изучал право и философию, что дало ему возможность свободно цитировать указанных авторов и даже более обстоятельно, чем Пуфендорфу, делать ссылки на источники [17].

Таким образом, коммуникативные цели жанра рассуждения значительно расширяются по сравнению с XVII в.: при ведущей полемической цели — поиска совместного (общенародного) решения актуальной проблемы (в данном случае — необходимости ведения войны) — преследуются пропагандистская и информативная цели, что сближает текст с дипломатическим документом и повышает уровень рациональности его аргументации. У текста «Разсужденія...» коллективный адресант (правитель государства и два профессиональных дипломата, один из которых мог заниматься научной деятельностью) и три адресата: 1) европейские политические элиты; 2) русский народ; 3) царевич Петр. Коммуникацию между ними и авторами характеризуют три вида отношений: равностатусные [отношения агональности (1) и гармонизации (2)] и разностатусные [иерархические — от низших к высшим (3)]. Поскольку большая часть текста обращена именно к европейским элитам, то в нем преобладают равностатусные и агональные отношения.

Трансформации в когнитивном компоненте

Темой «Разсужденія...» является политическая история, данная сквозь призму оценочной сравнительной характеристики деяний шведов и русских в войне, что проявляется уже в заголовке: *и кто изъ сіхъ обоіхъ потентатовъ <...> болѣе умѣренности и склонности къ прѣміренію показывалъ и съ которой воюющеи страны та война по правѣламъ Христїанскїхъ и політїчныхъ народовъ болѣе ведена*. Гносеологическая задача текста состояла в том, чтобы через сравнение выявить, какая из двух противоборствующих сторон является более образованным и культурным народом, чтобы затем принять решение о справедливости/несправедливости ведения военных действий. Такая задача вполне соответствовала внутренней форме рассуждения, хранящей древнюю семантику лексемы [18]. Однако сравнение как показ, простое описание явно было недостаточным для достижения коммуникативной цели — убеждения читателя в правомерности государственной политики.

В избранном автором способе аргументации (*азъ не хочу многїми Вітїускїми, или Реторїескїми краснословіи, или Логїескїми аргументами доказывать, но самыми дѣлами вкратцѣ освідѣтельствовать могу* [14, с. 1]) сквозит, с одной стороны, древняя антириторическая традиция русского рассуждения, а с другой — характерное для эпохи Возрождения прагматическое отношение к истории, закрепленное в западноевропейской науке, которое «выражалось в практике, которая получила определение *Exempel historia*, то есть буквально история-в-примерах, которая основывалась на пользе истории, а не ее функции увековечивания прошлого или воодушевления на будущее» [19, с. 193].

При этом автору исторического произведения необходимо было привести доводы, указать причины, обусловившие те или иные события, а также вынести оценочное суждение, дать морально и политически полезные примеры [19, с. 193]. Для вынесения оценки метод рассуждения был незаменим.

В «Разсужденій...» намечается классическая для рационального сознания формула построения доказательства: «тезис — аргумент». Тезис излагается в заголовке или подзаголовке, а основной текст служит подтверждением ему. Для убеждения читателей с помощью фактов используется такая композиционно-речевая форма, как объяснение, тесно связанная с описанием. Элементы описания включаются в качестве компонентов аргументативного построения: *Понеже яко выше объявлено, Его Царское Величество чрезь міністра своего въ Гагъ высокопочнымъ господамъ, при декларациіи воины, и о склонности своєї къ пріміренію объявить повелѣль, и тако Его Королевское Величество Великобританское, чрезь грамоту свою, такожъ и высокопочныя Господа Статы, чрезь своего резідента, добрыя свои средства Его Величеству предложитъ повелѣли. **Которыя** Его Царское Величество до начатія формальной осады Нарвы, снисходительно прінять, и токмо декларациіи отъ Короля Свѣйскаго о вышеписанной Сатісфакціи требоваль...* [14, с. 35–36].

Собственно рассуждение представляет собой вывод, причем часто без процедуры логического выведения следствия, а просто через апелляцию к читателю: *И уповаемъ мы, что изъ сіихъ вышеопісанныхъ обстоятелствъ, всякъ прізнатъ прінужденъ будетъ, что какъ начинанію, такъ и продолженію сея еще пребывающія воины, и разлітію Хрстіанской крови, и разоренію подданныхъ, никто иной какъ онъ самъ Король Шведской вѣновенъ* [там же, с. 57].

В тексте проявляется и характерная для текстов XVIII в. интимизированная манера изложения, заключающаяся в обосновании подачи материала: отдельно прописывается последовательность его представления, объясняется логика разделения на главы, части и т.д. Автор видит свою задачу в том, чтобы вовлечь читателя в совместный мыслительный процесс, убедить в его истинности, доказанности выдвинутых положений.

328

Форма фиксации мыслительного процесса становится наглядно логизированной: *Сіе можетъ толь легчай нынѣ доказано быть, **понеже не токмо** всему політїческому свѣту, **но и** Варварамъ Туркамъ доволно извѣстно, **какое** непрімірїтельное намѣреніе его Королевское Величество имѣетъ, **и како** всѣ, **какъ** съ стороны Его Царского Величества, **такъ и** отъ другїихъ областеи предложенныя ему мирныя пропозиціи всегда отвергалъ, **хотя** протївно тому, Его Царское Величество во вся времена съ начала войны, отъ пріміренія съ Его Величествомъ неотріцался, **и** готовость свою къ тому чрезь многія предложенія являлъ* [там же, с. 35].

В когнитивном плане совершается переход от практического рассуждения к логическому, от сравнения к каузальности. «Если итог логического мышления, — как отмечает Н.Д. Арутюнова, — установление истины, то итог практического рассуждения — принятие решения или совет, рекомендация» [20, с. 5]. Если практическое рассуждение основано на сравнении и «производится с целью разрешения альтернативы, т.е. выбора оптимального варианта из ряда возможностей, обычно исключаящих друг друга» [там же, с. 8], то логическое мышление характеризуется каузальностью — обоснованием, которое передает такую взаимосвязь, когда одна идея непосредственно проистекает из предшествующей. Именно каузальность, понимаемая в узком смысле

как причинно-следственные отношения, является характерной чертой рассуждения как функционально-смыслового типа речи на современном этапе [21, с. 321–322].

В части «Разсужденія...», написанной Шафировым, используется целый ряд лексико-грамматических средств, выражающих каузальность: придаточные предложения, вводимые союзами *ибо* (*Ибо изъ древле Россійскіе Государи неудостоівали Королеи Шведскіхъ тои чести, чтобъ имъ имѣть самімъ съ німи корреспонденцію*) и *понеже* (*Чему и то явной знакъ есть, понеже въ сіхъ обоихъ городахъ, а имянно Дерптъ, и Ревель, Церкви Россійскіе Греческаго исповѣданія непременно содержаны были*); предложные номинативные конструкции (*за безчестіе и обіды подданныхъ Его Царскаго Величества Новгородскіхъ и Псковскіхъ торговыхъ людеи, учініть сатісфакцію; съвзжалісь по указу; съ деспераціи*); деепричастие (*И тако за тѣмъ не согласясь о міръ, учініли переміріе на два года*). При этом союз *и* в качестве соединительной скрепы постепенно исчезает. Происходит ослабление гипотаксиса и развитие аналитизма.

Поскольку у произведения был не один автор, стиль доказательства весьма неоднороден. В частях «Разсужденія...», написанных Петром I, наблюдается иная модель аргументации, которая представляет собой не логический, а эмоциональный тип речи. В речи, обращенной к читателю, преобладают гипотетические конструкции, выраженные сослагательным наклонением в форме риторических вопросов. Согласно А.А. Тertyчному, это — гипотетическая модель аргументации, направленная на установление возможности чего-либо и менее убедительная по сравнению с фактологической [22]. Однако ее также можно рассматривать как ступень в развитии теоретического мышления: от анализа и рефлексии — к мысленному эксперименту.

Всё это свидетельствует о том, что в «Разсужденія...» вырабатывается специальная текстовая структура выведения нового знания с экспликацией причинно-следственных связей между суждениями. На смену «рецептурному» изложению фактов приходит демонстрация хода рассуждения автора. Автор показывает путь установления этих связей и предлагает читателю пройти его вместе с ним. Для облегчения читательского понимания композиция произведения имеет четко выраженную структуру: она разбита на части, которые указаны в заголовке и пронумерованы, переход между частями выражен не только вербально (через повторы), но и графически (прописными буквами и пространственными отступами).

Таким образом, жанр рассуждения, сформировавшийся в религиозно-полемиическом дискурсе, претерпевает значительные изменения в начале XVIII в. в силу применения его в дипломатической практике как открытого, так и закрытого типа. Коммуникативные отношения становятся равностатусными. Читатель активно вовлекается в совместные с автором мыслительные действия. Когнитивная стратегия сравнения, изначально присущая жанру и закреплённая в его номинации, дополняется каузативной причинно-следственной связью, утверждающей рациональную форму доказательства в противовес эмоциональной. Новым явлением становится развитие гипотетичности, которая является дальнейшим шагом на пути к развитию теоретического мышления, а именно — стадии мысленного эксперимента. Гипертекстовые ссылки на научные источники и юридические документы приближают рассуждение к научному стилю речи. Этому же способствует и развитие особого рода диалогичности (цитирования), а также снижение субъективности (замена личного местоимения 1-го лица ед. числа на мн. число, преобладание неопределенно-личных предложений и пассивных конструкций). Стиль произведения

отражает гетерогенный характер его авторства и коммуникативную направленность. В целом он характеризуется простотой, но не лишен книжности, в которой сочетаются традиции как деловой письменности, так и высокопарной панегирической речи. Привлечение огромного числа заимствований из различных западноевропейских языков, с одной стороны, усложняет текст для русскоязычного читателя, а с другой — упрощает для западноевропейского. Многие из этих заимствований являются терминологическими, что делает произведение первым документом по отечественному международному праву.

Все эти явления подтверждают, что текст «Разсуждения...» относится к переходным гетерогенным текстам в стадии междискурсного трансфера. Одновременно происходит формирование черт научного жанра, который проявит себя прежде всего в исторической и политической науках.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Сажина Е.В.* Полемический дискурс печатных СМИ Беларуси и Великобритании. Гомель: ГГУ им. Ф. Скорины, 2024. 209 с.
2. *Терентий Л.М.* Дипломатический дискурс как особая форма политической коммуникации // Вопросы когнитивной лингвистики. 2010. № 1. С. 47–56.
3. *Захаров А.В.* Рукопись «дедикации» П.П. Шафирова и государственная пропаганда Петра I // Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 22 (351). С. 172–181.
4. *Грбарь В.Э.* Материалы к истории литературы международного права в России (1647–1917) / науч. ред. и сост. У.Э. Батлер; отв. ред. В.А. Томсинов. М.: Зерцало: Гарант, 2005 (ППП Тип. Наука). 847 с.
5. *Заботкин А.С.* Первая русская книга о международном гуманитарном праве // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2007. № 3. С. 86–90.
6. *Батлер У.Э.* Вклад П.П. Шафирова в науку международного права // *Шафиров П.П.* Рассуждение, какие законные причины Петр I, царь и повелитель всероссийский, к начатию войны против Карла XII, короля шведского, в 1700 году имел. М.: Зерцало-М, 2013. С. XIII–XLVI.
7. *Батлер У.Э.* «Рассуждение» П.П. Шафирова — 300 лет // Российский ежегодник международного права. 2017. Т. 2017. С. 291–293.
8. *Волоскова А.В.* Дипломатическая лексика начала XVIII века (по материалам трактата П.П. Шафирова «Рассуждение, какие законные причины Петр Великий к начатию войны против Карла XII имел»): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ленинград, 1966. 17 с.
9. *Круглов В.М.* Формирование современного порядка слов в конструкциях с местоимением «который» в родительном падеже со значением принадлежности (первая треть XVIII века) // *Iter philologicum. Festschrift für Helmut Keipert zum.* 2006. Т. 65. С. 97–109.
10. *Пекарский П.П.* Наука и литература в России при Петре Великом. Описание славяно-русских книг и типографий 1698–1725 годов. СПб.: издание Т-ва «Общественная польза», 1862. Т. II. 694 с.
11. *Weber F.Ch.* Das veränderte Russland, in welchem die ictzige verfassung des geist- und weltlichen regiments; der brieges- staat zu lande und zu wasser; wahre zustand der russischen finantzen ... die begebenheiten des czarewitzen ... in einem biss. gehenden journal vorgestellt werden, mit einer accuraten land- carte und kupferstichen versehen. Franckfurth, N. Förster, 1721. Lorenz Lange, and Pre-1801 Imprint Collection. 512 p.

12. Пекарский П.П. Наука и литература в России при Петре Великом. Описание славяно-русских книг и типографий 1698–1725 годов. СПб.: издание Т-ва «Общественная польза». 1862. Т. I. 578 с.
13. Устрялов Н.Г. История царствования Петра Великого. Т. 1. СПб.: тип. II-го отделения Собств. е. и. вел. канцелярии, 1858. 399 с.
14. Шафиров П.П. Разсуждение какие законные причины его царское величество Петр Первый царь и повелитель... СПб., 1717. 128 с.
15. Панченко А.М. О смене писательского типа в петровскую эпоху // XVIII век: в 9 т. Т. 9. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1974. С. 112–128.
16. Записки Фридриха Вебера о Петре Великом // Русский архив. 1872. № 9. С. 1614–1704.
17. Перевезенцев С.В. Петр I и рождение русской исторической науки // Тетради по консерватизму: альманах. № 3. М.: Некоммерческий фонд — Институт социально-экономических и политических исследований (Фонд ИСЭПИ), 2022. С. 61–71.
18. Кытманова Е.А. Номинация жанра «рассуждение»: этимологический анализ // Верхневолжский филологический вестник. 2024. № 4 (39). С. 153–164.
19. Возгрин В.Е. Особенности шведской историографии позднего Средневековья — XVIII в. // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. 2019. № 19–1. С. 185–209.
20. Арутюнова Н.Д. Практическое рассуждение и язык // Сущность, развитие и функции языка. М.: Наука, 1987. С. 5–12.
21. Трошева Т.Б. Рассуждение // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Л.М. Алексеева, В.И. Аннушкин, Е.А. Баженова [и др.]; под ред. М.Н. Кожинной [и др.]. 4-е изд., стер. М.: ФЛИНТА, 2019. С. 321–322.
22. Тертычный А.А. Модели аргументации в современных медиатекстах // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. 2016. № 6. С. 46–69.

REFERENCES

1. Sazhina E.V. *Polemicheskij diskurs pechatnyh SMI Belarusi i Velikobritanii* [Polemical Discourse of Belorussia and UK Printed Mass Media]. Gomel: GGU im. F. Skoriny, 2024, 209 p. (in Russ.)
2. Terentij L.M. *Diplomaticheskij diskurs kak osobaja forma politicheskoy kommunikacii* [Diplomatic Discourse as a Special Form of Political Communication], *Voprosy kognitivnoj lingvistiki = Issues in Cognitive Linguistics*, 2010, No. 1, pp. 47–56. (in Russ.)
3. Zaharov A.V. *Rukopis “dedikacii” P.P. Shafirova i gosudarstvennaja propaganda Petra I* [Manuscript of Shafirov’s “Dedication” and Peter I’s State Propaganda], *Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Chelyabinsk State University*, 2014, No. 22 (351), pp. 172–181. (in Russ.)
4. Grabar V.E. *Materialy k istorii literatury mezhdunarodnogo prava v Rossii (1647–1917)* [Materials for the History of Literature on International Law in Russia]. Moscow, Zerczalo: Garant, 2005, 847 p. (in Russ.)
5. Zobotkin A.S. *Pervaja russkaja kniga o mezhdunarodnom gumanitarnom prave* [The First Russian Book on International Humanitarian Law], *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Serija: Juridicheskie nauki = Bulletin of Peoples’ Friendship University of Russia. Series: Legal Sciences*, 2007, No. 3, pp. 86–90. (in Russ.)

6. Butler W.E. *Vklad P.P. Shafirova v nauku mezhdunarodnogo prava* [P.P. Shafirov's Contribution to the Science of International Law] In: *Shafirov P.P. Rassuzhdenie, kakie zakonnye prichiny Petr I, car i povelitel vserossijskij, k nachatiju vojny protiv Karla XII, korolja shvedskogo, v 1700 godu imel* [Shafirov P.P. A Discourse Concerning the Just Reasons which His Czarish Majesty, Peter I had for Beginning the War Against the King of Sweden, Charles XII, anno 1700]. Moscow, Zerczalo-M, 2013, pp. XIII–XLVI. (in Russ.)
7. Butler W.E. “*Rassuzhdenie*” P.P. Shafirova — 300 let [Three Centuries of P.P. Shafirov's *Rassuzhdenie*], *Rossijskij ezhegodnik mezhdunarodnogo prava* = Russian Annual Book of International Law, 2017, vol. 2017, pp. 291–293. (in Russ.)
8. Voloskova A.V. *Diplomaticeskaja leksika nachala XVIII veka (Po materialam traktata P.P. Shafirova Rassuzhdenie, kakie zakonnye prichiny Petr Velikij k nachatiju vojny protiv Karla XII imel)* [Diplomatic Vocabulary of the Early 18th Century (Based on the Material of P.P. Shafirov's Treatise A Discourse Concerning the Causes of the War Between Russia and Sweden): Extended Abstract of PhD Dissertation (Philology). Leningrad, 1966, 17 p. (in Russ.)
9. Kruglov V.M. *Formirovanie sovremennogo porjadka slov v konstrukcijax s mestoimeniem “kotoryj” v roditelnom padezhe so znacheniem prinadlezhnosti (Pervaja tret XVIII veka)* [Formation of Modern Word Order in Constructions With the Pronoun “Kotoryj” in Genitive Case With Appertaining Meaning (the First Third of the 18th Century)]. In: *Iter philologicum. Festschrift für Helmut Keipert zum*, 2006, vol. 65, pp. 97–109. (in Russ.)
10. Pekarskij P.P. *Nauka i literatura v Rossii pri Petre Velikom. Opisanie slavjano-russkikh knig i tipografij 1698–1725 godov* [Science and Literature in Peter the Great's Time]. St. Petersburg, Publishing House of the Partnership “Obshhestvennaja polza”, 1862, vol. II, 694 p. (in Russ.)
11. Weber F. Ch. *Das veränderte Russland, in welchem die ietziige verfassung des geist- und weltlichen regiments; der brieges- staat zu lande und zu wasser; wahre zustand der russischen finantzen ... die begebenheiten des czarewizen ... in einem biss. gehenden journal vorgestellet werden, mit einer accuraten land- carte und kupferstichen versehen.* Franckfurth, N. Förster, 1721, Lorenz Lange, and Pre-1801 Imprint Collection, 512 p.
12. Pekarskij P.P. *Nauka i literatura v Rossii pri Petre Velikom. Opisanie slavjano-russkikh knig i tipografij 1698–1725 godov* [Science and Literature in Peter the Great's Time. Description of Slavonic and Russian Books and Printing in 1698–1725]. St. Petersburg, Publishing House of the Partnership “Obshhestvennaja polza”, vol. I, 1862, 578 p. (in Russ.)
13. Ustryalov N.G. *Istorija carstvovanija Petra Velikogo* [History of Peter the Great's Reign], vol. 1. St. Petersburg, Printing House of the 2-nd department of Her Majesty's Private Chancery, 1858, 399 p. (in Russ.)
14. Shafirov P.P. *Rassuzhdenie kakie zakonnye prichiny ego carskoe velichestvo Petr Pervyi car i povelitel...* [A Discourse Concerning the Just Reasons Which His Czarish Majesty, Peter I Had for Beginning the War Against the King of Sweden, Charles XII, anno 1700]. St. Petersburg, 1717, 128 p. (in Russ.)
15. Panchenko A.M. *O smene pisatelskogo tipa v petrovskuju epohu* [On the Change of Author Type in Peter the Great's Epoch]. In: *XVIII vek, v 9 t.* [The eighteenth century], in 9 vols. Leningrad, Nauka, Leningradskoe otdelenie, 1974, vol. 9, pp. 112–128. (in Russ.)
16. *Zapiski Fridrixa Vebera o Petre Velikom* [F. Weber's Notes on Peter the Great], *Zhurnal “Russkij arhiv”* = “Russian Archive” Journal, 1872, No. 9, pp. 1614–1704. (in Russ.)

17. Perevezencev S.V. *Petr I i rozhdenie russkoj istoricheskoi nauki* [Peter I and the Birth of Russian Historical Science] In: *Tetradi po konservatizmu: Almanah, No. 3* [Papers on Conservatism: Miscellany], No. 3. Moscow, Nekommercheskij fond — Institut socialno-ekonomicheskikh i politicheskikh issledovanij (Fond ISEPI), 2022, pp. 61–71. (in Russ.)
18. Kytmanova E.A. *Nominacija zhanra “rassuzhdenie”*: *etimologicheskij analiz* [Nomination of the Genre of “Rassuzhdenije”: Etymological Analysis], *Verhnevolzhskij filologicheskij vestnik* = Verhnevolzhski philological bulletin, 2024, No. 4 (39), pp. 153–164. (in Russ.)
19. Vozgrin V.E. *Osobennosti shvedskoj istorigrafii pozdnego Srednevekovja — XVIII v.* [Features of Swedish Historiography of the Period From the Late Middle Ages Till the 18th Century], *Trudy kafedry istorii Novogo i novejshego vremeni* = Works of the Department of the History of the Early Modern and Modern Era, 2019, No. 19–1, pp. 185–209. (in Russ.)
20. Arutyunova N.D. *Prakticheskoe rassuzhdenie i yazyk* [Practical Reasoning and Language]. In: *Sushchnost, razvitie i funkcii yazyka* [Nature, Development and Function of Language]. Moscow, 1987, pp. 5–12. (in Russ.)
21. Trosheva T.B. *Rassuzhdenie* [Argumentation]. In: *Stilisticheskij enciklopedicheskij slovar russkogo yazyka* [Encyclopedic Dictionary of Russian Stylistics], L.M. Alekseeva, V.I. Annushkin, E.A. Bazhenova, et al., eds. by M.N. Kozhina et al., 4-th edition., ster. Moscow, FLINTA, 2019, pp. 321–322. (in Russ.)
22. Tertychnyj A.A. *Modeli argumentacii v sovremennyh mediatekstah* [Models of Argumentation in Modern Media Texts], *Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 10: Zhurnalistika* = Bulletin of Moscow University. Series 10: Journalism, 2016, No. 6, pp. 46–69. (in Russ.)

Кытманова Екатерина Александровна, кандидат филологических наук, доцент, кафедра иностранных языков, Государственный университет просвещения, ekaterina__k@hotmail.com.

Ekaterina A. Kytmanova, PhD in Philology, Associate Professor, Foreign Languages Department, Federal State University of Education, ekaterina__k@hotmail.com.

Статья поступила в редакцию 28.08.2025. Принята к публикации 09.11.2025
The paper was submitted 28.08.2025. Accepted for publication 09.11.2025